

Ведь в те годы вы были так близки, что могли носить одни штаны на двоих, а он ведь уже несколько лет как вернулся на родину, говорят, дела у него идут неплохо.

Младшее прозвище Сяо Цзюньгу — Маодоу, в те времена, когда они вместе играли в группе, все вокруг звали его именно так.

На этот вопрос было действительно трудно ответить, и Чжан Вэйдун помолчал немного, а затем уклончиво произнес: Мы с ним давно разругались, и впредь меньше упоминай этого человека при мне.

Даху задумчиво кивнул: Да уж, теперь нам тоже не дотянуться до такого человека.

Чжан Вэйдун ничего не ответил, посидел еще немного, а потом ему нужно было вставать и спешить на запланированное мероприятие.

Он позвонил и попросил Сяо Ба купить всё необходимое для жизни, а когда тот поднял вещи наверх, они вместе покинули больницу.

В середине апреля официально начались съемки клипа Чжао Юй.

Место съмок располагалось в элитном оздоровительном клубе SPA, интерьер которого был оформлен роскошно и полностью соответствовал британскому стилю XVII века. Клип предстояло снимать два дня, причем один из дней — на выезде, а поскольку в процессе будут монтироваться фрагменты из фильма, это значительно сократило время съмок.

Чжао Юй уже была полностью готова: на ней было белое шелковое платье на бретельках, копна черных вьющихся волос крупными волнами, и она босой стояла у бассейна, выглядя чистой и отрешенной от мира. Чжан Вэйдун вышел из раздевалки в халате с крайне мрачным выражением лица — только что жеманный тайваньский режиссер сладким голоском заявил ему, что ради сохранения нужного эффекта съмок он должен зайти в воду абсолютно голым.

Абсолютно голым! Чжан Вэйдун едва не выругался! Снимать клип для финальной песни — неужели ради этого обязательно раздевать его догола?

Он не был актером, никогда не учился актерскому мастерству и тем более не понимал, что такое жертвы ради искусства, он знал лишь одно: ему отчаянно всё это не нравилось!

Чжао Юй подошла к нему и с улыбкой посмотрела на него: Надеюсь, мы будем приятно сотрудничать.

Чжан Вэйдун находился в состоянии крайнего раздражения и не стал отвечать ей.

Чжао Юй встала на цыпочки, обошла вокруг него и, склонившись к самому его уху, понизила голос: Я с нетерпением жду, когда ты разденешься.

Чжан Вэйдун понял, что она злорадствует, и крепко нахмурился: Это ты подстроила?

Он чувствовал, что над ним издеваются, и только собрался вспыхнуть, как появился неожиданный гость.

Сяо Цзюньгу заложил руки за спину и вошел на съемочную площадку, окинув взглядом окружающую обстановку: Всем добрый день, я пришел навестить съемочную группу.

Его внезапное появление заставило многих напрячься — большой босс собственной персоной пожаловал на съемки, словно партийный лидер, спустившийся в низы проинспектировать работу.

Режиссер тут же поспешил навстречу: Директор Сяо, добро пожаловать! Какая честь для нас видеть вас, вы ведь пришли навестить мисс Чжао?

Сяо Цзюньгу усмехнулся — не подтверждая и не опровергая этого, он обменялся с режиссером парой дежурных фраз, выбрал место с хорошим обзором, сел и закинул ногу на ногу. Усевшись, он чаще всего смотрел на Чжао Юй, а его взгляд лишь изредка скользил по Чжан Вэйдуну, не задерживаясь на нем и доли секунды.

Чжао Юй положила руку на плечо Чжан Вэйдуна, но при этом с сияющей улыбкой смотрела на Сяо Цзюньгу, тихо произнеся: Ого, какое же это посещение съемочной площадки, чистой воды слежка! Я ведь тебя не съем, в самом деле.

Чжан Вэйдун потерял дар речи: сегодняшние люди один за другим вели себя странно и двусмысленно, чего ради они все тут устроили?

Впрочем, из-за такого отвлечения внимания Чжан Вэйдун уже не мог разозлиться; он видел, что площадка почти готова, и хотел лишь поскорее отсняться и закончить работу.

Когда освещение было отрегулировано, реквизитор выпустил дым, и огромный круглый бассейн словно покрылся тонкой белой вуалью.

По указанию режиссера Чжан Вэйдун развязал халат, слегка качнул плечами, и тот соскользнул вниз, после чего он поднял ногу и шагнул в бассейн. Сяо Цзюньгу смотрел на его обнаженную спину — широкие плечи, узкая талия, крепкие ягодички были видны как на ладони, и его глаза чуть из орбит не вылезали.

Чжан Вэйдун выпрямился и встал посреди бассейна, теплая вода как раз скрыла его линию талии. На площадке погас свет, сверху ударил пучок белого прожектора, который в сочетании

с клубящимся над водой дымом создал сказочную, нереальную картинку. Чжан Вэйдун полуприкрыл глаза, сохраняя бесстрастное выражение лица; на площадке находилось не меньше восьми-девяти человек персонала, и ощущение всеобщего обнажения доставляло ему определенный дискомфорт.

Но он ведь не женщина, не мог же он жеманиться и мяться, поэтому ему пришлось проявить решимость.

Как только режиссер скомандовал начать, Чжао Юй вброд приблизилась к Чжан Вэйдуну, протянула руку и кончиками пальцев очертила контур его щеки, после чего медленно придвинулась ближе и прижалась к нему лицом, встав к нему спиной. В этот момент сверху полетели искусственные белые снежинки, и они так и замерли вместе — изысканно и чувственно.

Затем, прибегнув к помощи реквизита, Чжао Юй и Чжан Вэйдун легли на поверхность воды плашмя, вытянувшись в одну линию и соприкоснувшись шеями.

Каждый кадр выглядел невероятно интимно, но при этом в них не было никаких откровенных движений или даже зрительного контакта, что лишь сильнее будоражило воображение.

Выражение лица Чжан Вэйдуна поначалу было немного зажатым, режиссер просил его расслабиться еще и еще, и в итоге остался вполне доволен получившимся эффектом.

Он, глядя в монитор трансляции, восхищался: Вот так, отлично, удерживайте это состояние, прекрасно, вы двое так невероятно подходите друг другу.

Как только съемка на время завершилась, Чжан Вэйдун стремглав бросился в раздевалку, уперся руками в стену и пару раз судорожно сглотнул.

Он умыл лицо холодной водой, тряхнул головой и встал под душ, отчаянно намыливая и растирая тело. Чжан Вэйдун по-прежнему не выносил никаких близких контактов с другими людьми, только что он продержался на пределе возможностей, и все его тело словно ломило, ему казалось, будто по коже ползают бесчисленные личинки, вызывая невыносимую тошноту.

В какой-то момент Сяо Цзюньгу бесшумно вошел в раздевалку и с суровым выражением лица уставился на Чжан Вэйдуна, его взгляд был острым, как крючья, словно он хотел пронзить кожу и плоть насквозь. Чжан Вэйдун был занят лишь тем, что опустив голову мылся, его бронзовое тело было мокрым и покрытым белоснежной пеной, и он совершенно не замечал грозящей опасности.

Сяо Цзюньгу прижал ничего не подозревающего Чжан Вэйдуна к кафельной стене и сквозь стиснутые зубы процедил бессвязную фразу: Я пожалел.

Сяо Цзюньгу не просто пожалел — его снедало самое настоящее раскаяние!

Поэтому, не обращая внимания на то, что его собственная одежда промокла, он прямо под струями воды вцепился в волосы Чжан Вэйдуна и впился зубами ему в шею!

Глава девятнадцатая: Сожаление (часть 2)

Чжан Вэйдун от неожиданности вскрикнул от боли, когда его укусили.

Он никак не ожидал, что у Сяо Цзюньгу хватит наглости тайком пробраться в раздевалку и совершить нападение, а когда пришел в себя, им овладела ярость.

Чжан Вэйдун ударил Сяо Цзюньгу локтем в скулу и оттолкнул его: Пошел к черту, блядь!

Сяо Цзюньгу прищурился, потер щеку, и в клубящемся паре его взгляд был зловещим: Сегодня пятница, я буду иметь тебя.

Чжан Вэйдун чуть не разразился руганью, изо всех сил сдерживая голос: Я на работе, какого черта ты творишь!

Сяо Цзюньгу по слогам повторил: Я. Буду. Иметь. Тебя.

В этот момент Сяо Цзюньгу промок до нитки, стоя под плотными струями воды — с высоким носом, одинарными веками и тонкими губами, он выглядел как книжный червь со светлым лицом, в чьей утонченности сквозило нечто дикое. Но в глазах Чжан Вэйдуна он был настоящим животным, до отвращения мерзким!

Убирайся! — Чжан Вэйдун попытался выйти из кабинки, но проход оказался заблокирован.

Быстрее, а не то кто-нибудь скоро зайдет, мне-то всё равно, а вот ты... неужели и тебе всё равно?

С чего бы Чжан Вэйдуну было всё равно? Если их постыдная связь с Сяо Цзюньгу вскроется, презрение окружающих падет исключительно на него! Точно так же, как в случае с продажными женщинами и клиентами: одни продают, другие покупают, вроде бы по обоюдному согласию и в равной степени погрязли в грязи, но большую часть критики и презрения почему-то всегда сносят именно продажные женщины.

Какая несправедливость! И этот вкус неравенства ему довелось испытать бесчисленное множество раз.

Еще когда он был несмышленым ребенком, эти насмешки и злоба мирского порядка уже едва не проглотили его.

Сяо Цзюньгу знал слабое место Чжан Вэйдуна и потому действовал все более нагло: он грубо развернул его и прижал к тесной стене кабинки: Я сам всё сделаю, ты только не дёргайся, давай, задницу повыше.

Плотные струи горячей воды хлестали по телу, жала его словно тысячи иголок, а на сердце у Чжан Вэйдуна было еще холоднее и тоскливее. Несмотря на это, он подчинился — потому что знал: если не удовлетворить Сяо Цзюньгу, эта тварь в человеческом обличье от него не отстанет.

Ни презерватива, ни лубриканта — Сяо Цзюньгу наспех растянул его и вошел, используя гель для душа вместо смазки.

Терпя жжение, вызванное щелочным составом, Чжан Вэйдун сквозь зубы процедил: Только не кончай внутрь.

Сяо Цзюньгу хмыкнул в ответ.

Придерживая Чжан Вэйдуна за талию, он совершал резкие толчки, переполненный чувством триумфа.

И правда, в этом мире нет ничего, к чему нельзя было бы привыкнуть — раньше, если бы не было презерватива, Чжан Вэйдун скорее бы умер, чем позволил себя поиметь, а посмотрите на него теперь: всё так же послушно задирает задницу и позволяет делать с собой всё, что вздумается, ну разве не охеренно!

Заниматься таким развратом в подобной обстановке было невероятно возбуждающе, и, потрахавшись минут десять, Сяо Цзюньгу излился до последней капли.

Блаженно прикрыв глаза, он еще какое-то время наслаждался остаточным удовольствием и лишь затем перевел взгляд на Чжан Вэйдуна, оценивая его состояние. Тот прислонился спиной к белоснежной плитке, опустив голову и тяжело дыша, и, помимо чуть бледного лица, выглядел вполне нормально.

Сяо Цзюньгу сделал для себя вывод, что методы принуждения все-таки необходимы, а упорство приносит победу.

На его лице появилась довольная улыбка, и он мягко произнес: Дунцзы, если устал, можешь больше не работать, поехали со мной домой отдыхать.

Пошел к черту. — Голос Чжан Вэйдуна был совершенно лишен эмоций.

Сяо Цзюньгу вышел из душевой, мимоходом стянул полотенце, выбрал с полки более-менее приличный комплект одежды, переоделся и с довольным видом кивнул своему отражению в зеркале. Затем он швырнул мокрую одежду прямо в мусорное ведро, натянул туфли, откинул упавшую на лоб прядь волос назад и вальяжной походкой удалился.

Услышав звук закрывающейся двери, Чжан Вэйдун тут же бросился к унитазу и его истошни вырвало.

Его бил крупный озноб, казалось, его внутренности сейчас вывернутся наизнанку вместе с желудком, из глаз брызнули слезы от физиологического напряжения, а лицо сделалось еще более мертвенно-бледным.

Он простоял полчаса под обжигающе горячей водой, но кожа так и не порозовела, напоминая облика живого лишь на три десятых, а на семь — призрака.

Едва справившись с тошнотой и избавившись от всего лишнего в желудке, Чжан Вэйдун опустился на колени, вцепился рукой в край унитаза и резко ударился лбом о фаянс. Боль! Чертовски больно! Но эта боль помогала ему прийти в себя: резкое страдание и головокружение позволили ему наконец вздохнуть полной грудью.

Следующая съемочная площадка была уже готова, и режиссер, заметив вышедшего из раздевалки Чжан Вэйдуна, всплеснул руками: Ой, что это у тебя со лбом?

Тут же он заметил и след от укуса на кадыке парня, из-за чего его выражение лица стало неловким.

Чжао Юй тоже увидела это, потерла лоб и сказала: Режиссер, у меня что-то голова болит, давайте доснимем в другой день.

Режиссер перевел взгляд с нее на Чжан Вэйдуна и оставалось только громко объявить: Ладно, на сегодня всё, расходимся!

Мало того что площадка была полностью готова, даже рельсы для камеры уже проложили, так что заявления об отмене съемок в самый последний момент неизбежно вызвали бы некоторое недовольство среди персонала. Но все вокруг были людьми неглупыми: некоторые вещи достаточно было заметить и держать при себе.

Чжан Вэйдун провел рукой и только тогда нащупал шишку на лбу, но объяснять что-либо у него не было ни сил, ни возможности.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как его остановила помощница Чжао Юй: Мисс Чжао приглашает вас поужинать вместе.

Чжан Вэйдун бросил взгляд на Чжао Юй и покачал головой: Нет, я занят.

Он отказался без малейших колебаний, поистине не оставив ей ни капли приличия, и под косыми взглядами окружающих гордо выпрямил спину и зашагал прочь.

Он прекрасно понимал: Чжан Вэйдун, как бы другие к тебе ни относились, пусть даже проигрываешь в сути, нельзя терять лицо.

Покинув спа-салон, Чжан Вэйдун отправился в тренажерный зал.

Он до безумия бежал на беговой дорожке; прямо перед ним располагались панорамные стекла, открывая вид на зеленеющие холмы, журчащую речку и уединенный бамбуковый лес. Чжан Вэйдун бежал изо всех сил, мчался словно безумец вперед, туда, где за преградой простирался огромный мир, казавшийся таким близким, что до него можно было дотронуться.

Пока у него совсем не кончились силы; он опустился на пол и вылил ледяную бутылку минеральной воды прямо на свою дымящуюся от жара голову, находя в этом резком контрасте температур извращенное удовольствие мазохиста.

Затем он рухнул на пол, раскинувшись на досках и глядя на яркий свет ламп, думая про себя, что он достаточно устал, так что этой ночью наверняка удастся поспать.

И действительно, он так сильно вымотался, что даже чувства притупились, позволив ему полностью игнорировать присутствие Сяо Цзюньгу.

Спустя два часа он, словно лунатик, сидел на диване в квартире Сяо Цзюньгу с остекленевшим взглядом.

Сяо Цзюньгу уже давно наблюдал за Чжан Вэйдоном: он сварил яйцо, чтобы приложить к синяку и убрать отек, затем заставил его выпить стакан молока и стал сверху вниз поглаживать по спине: Дунцзы, ты очень устал? Если устал, ложись спать.

Словно послушная марионетка, Чжан Вэйдун закрыл глаза и провалился в тяжелый сон, даже не добравшись до кровати.

Сяо Цзюньгу с трудом дотащил Чжан Вэйдуна до спальни, после чего вернулся в пустую гостиную и взял телефон.

Чжао Юй, прекрати заниматься херней.

Он никогда еще не разговаривал с Чжао Юй столь суровым тоном, а мгновение спустя добавил: Ты меня провоцируешь.

Не сказав больше ни слова, Сяо Цзюньгу сбросил вызов.

Чжао Юй тоже не стала растекаться мыслью по древу, с самого начала и до конца задав лишь один вопрос: Что такое? Проиграть не можешь? Боишься, что я растроваю твоего педика?

Прошло пять дней рутины, и съемки клипа возобновились.

Местом съемок первого дня снова стал спа-салон, степень откровенности была уже чуть ниже, по крайней мере, Чжан Вэйдуну не нужно было раздеваться догола, а самыми интимными кадрами стали те, где они лежали боком, согнувшись, на белых лепестках цветов и прижимали ноги друг друга к груди. Их глаза были закрыты, а выражения лиц — безмятежными, словно они спали в материнской утробе.

Второй день проходил на улице, без каких-либо телесных контактов: они по очереди блуждали по улицам, вокзалам, книжным магазинам и кофейням, сменяя друг друга в кадре и создавая ощущение, что они постоянно оказываются в одних и тех же местах, но вечно разминувшись во времени.

Успешно завершив съемки, Чжао Юй по традиции устроила ужин для всего съемочного персонала.

Однако сама она на нем не появилась, как и Чжан Вэйдун.

Потому что Чжао Юй напрямую разыскала Чжан Вэйдуна со словами: Я хочу угостить тебя кофе.

Чжан Вэйдун знал о ее непростых отношениях с Сяо Цзюньгу и не желал сближаться, поэтому отказался: У меня еще есть дела.

Чжао Юй обворожительно улыбнулась: Посмотри на себя, ты даже отказывать девушкам толком не умеешь, пойдём, это отнимет у тебя от силы полчаса.

Цокая пятидюймовыми каблуками, она без лишних слов утянула Чжан Вэйдуна за собой.

Чжан Вэйдун почувствовал некоторую беспомощность: Чжао Юй насквозь видела его, он действительно совершенно не умел общаться с женщинами.

Она привела его в элитный ресторан западной кухни, выбрала уединенный угол и, даже не спросив его мнения, волевым решением заказала две чашки кофе блю-маунтин и порцию печенья.

Чжан Вэйдун догадывался, что у Чжао Юй есть разговор к нему, но она всё никак не начинала,

подперев щеку рукой, помешивая кофе и глядя на него с полуулыбкой.

Нагляделась? Если ты не начнешь говорить, я уйду. — Чжан Вэйдуну было крайне неудобно.

Чжао Юй криво усмехнулась и перешла сразу к делу: Я сама уже смотреть на это не могу, почему ты просто не уступишь Сяо Цзюньгу?

Чжан Вэйдун нахмурился: Мои дела тебя не касаются.

Но дела Сяо Цзюньгу касаются меня. — Чжао Юй отпила глоток кофе и невозмутимо продолжила: Ты столько времени крутишься в этом шоу-бизнесе, и без моих слов знаешь обо всех этих грязных штучках — сколько людей ради популярности в итоге лишь сильнее марали свое имя. По правде говоря, Сяо Цзюньгу — отличный трамплин. Никто не заставляет тебя влюбляться, так просто и беззастенчиво используй его, чтобы карабкаться вверх, а в конце получишь и славу, и деньги, и все будут счастливы, разве плохо?

Чжан Вэйдун невольно усмехнулся: Если Сяо Цзюньгу услышит эти слова, он тебя возненавидит или поблагодарит?

Конечно, поблагодарит, да и ты должен меня поблагодарить — раз уж ты всё равно не способен полюбить его, а он не в силах тебя отпустить, так сошлись бы уже как-нибудь. Устраивать истерики каждые три дня... вам самим не надоело, а мне уже смотреть на это тошно.

Чжан Вэйдун прикрыл глаза: Заткнись, я не бью женщин.

Видя упрямство Чжан Вэйдуна, Чжао Юй слегка помрачнела, но внешне осталась прежней, мягкой: Я просто не понимаю, почему этот парень такой упертый? А у тебя откуда такая гордыня? Если бы ты хоть в чем-то соответствовал ему, он бы еще заслуживал страдать из-за тебя, но ты... кхм, ладно, проехали.

Хотя Чжао Юй не стала договаривать до конца, смысл был предельно ясен — в чем ты вообще ровня Сяо Цзюньгу? С какой стати ломаешься?

Чжао Юй дружила с Сяо Цзюньгу уже больше десяти лет, они регулярно виделись, а их семьи поддерживали тесные связи, поэтому она знала очень многое.

По ее мнению, Сяо Цзюньгу просто занимался мазохизмом: в тот месяц, когда Чжан Вэйдун ушел, он пахал по шестнадцать-семь часов в сутки, порой ночуя прямо в офисе, и заметно сдал, потеряв в весе. Чего ради Сяо Цзюньгу так старался? Чжан Вэйдун был упрям и жесток, как камень в выгребной яме, и если они продолжат так бодаться дальше, ничем хорошим это не кончится.

Даже если бы Сяо Цзюньгу нашел кого-то другого или вовсе остался один, это было бы куда лучше, чем возиться с Чжан Вэйдун.

Ей было искренне жаль Сяо Цзюньгу — с чего он так вцепился в этого Чжан Вэйдуна? И правда ослеп!

Глава двадцатая: Убийца (часть 1)

После того как Чжао Юй ушла из ресторана, Чжан Вэйдун так и остался сидеть на месте, чувствуя себя до предела униженным.

Сначала он злился, но вскоре его охватило глубокое чувство тоски.

Каждый, кто знал об их интимной связи с Сяо Цзюньгу — будь то Чжао Юй, Чжоу Ли или Сяо Ба — считал его лишь лицемерным недотрогой: раз уж он лег под Сяо Цзюньгу и позволяет иметь себя в задницу сотни и тысячи раз, к чему теперь строить из себя недоступную цацу?

В глазах же посторонних Сяо Цзюньгу и вовсе выглядел эталоном идеального любовника — заботливым, внимательным, справляющимся о самочувствии.

К тому же, к их великой радости, Сяо Цзюньгу был готов платить ему за продажную любовь, что являлось огромной удачей для самого Чжан Вэйдуна, и он должен был пасть ниц в знак благодарности.

Чжан Вэйдуну жутко хотелось ткнуть их носом в реальность и возразить: Думаете, я сам хочу с этим мириться? Думаете, мне от этого легко? Если бы я мог просто плыть по течению, неужели я стал бы идти против собственной природы?

Если бы он мог открыто говорить о столь мерзких вещах, то отречься от себя и во всем подчиняться Сяо Цзюньгу тоже не составило бы большого труда.

Ладно, в конце концов, если бы он действительно поступил так, как они все желали, он бы просто превратился в «благоразумного» мальчика по вызову.

Перебирая эти события одно за другим, он понимал: во всем виновато лишь то, что у него за душой не было ни гроша, из-за чего он и заслужил такое пренебрежительное отношение.

С легкой руки Чжоу Ли Чжан Вэйдун подписался на съемки в историческом телесериале и рекламном ролике для телевидения — эти две работы заняли большую часть его времени, не говоря уже о необходимости посещать другие мероприятия, из-за чего он крутился как белка в колесе.

Он метался с одного промо-мероприятия на другое, порой даже забывая поесть, причем многие из них вообще не приносили дохода — например, благотворительные акции или радиointервью, где его загружали работой просто ради галочки.

Из-за этого у Чжан Вэйдуна вновь не оставалось времени на сочинение музыки.

Дни чередой пролетали в суете: май, июнь, июль — наступило знойное лето.

В прокат вышел драматический детективный фильм с Чжао Юй в главной роли, и одновременно с этим состоялся релиз клипа.

Клип получился потрясающим и изысканно-красивым: на последних тридцати секундах зрителей ждал неожиданный сюжетный поворот — герои совершали самоубийство, обнимаясь в ревущем пламени пожара, а трагичная и прекрасная картинка прошибала на слезы.

<http://bllate.org/book/20766/2083750>